

Егор Мымрин

Кло-Кло

Повесть

Егор Мымрин
Кло-Кло. Повесть

«Издательские решения»

Мымрин Е.

Кло-Кло. Повесть / Е. Мымрин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906876-7

Вы боитесь странных шорохов, непонятных звуков, которые слышатся вокруг, когда вы одни? Не верите во всякие мистические небылицы о заговорах и проклятьях? Мы, современные люди, всему найдем рациональное объяснение. Вы думаете, вы в безопасности в вашем изученном мире? Что можно ожидать от маленькой тряпичной куклы, сотканной в глуши, из которой доносятся предания глубокой древности? Ничего особенного. А вы уверены?

ISBN 978-5-44-906876-7

© Мымрин Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кло-Кло Повесть

Егор Мырин

Редактор Вера Валерьевна Вересиянова

© Егор Мырин, 2018

ISBN 978-5-4490-6876-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

27 июня 1942 года

Солнце вставало над лесом, окружавшим посёлок Верхнелонецкий плотным зелёным кольцом. Старые карельские сосны стояли густой стеной выпятив свои мохнатые лапы, словно тянулись к людским жилищам, в которых только-только после ночи зарождалась движение. В воздухе ещё пахло ночной сыростью, ароматами трав и прохладой после дождя, хотя день обещал быть жарким. В прозрачном воздухе летали птицы – лето вовсю вступало в свои права. Серые избы одиноко стояли на заметном расстоянии друг от друга, окружённые огородами, – вокруг был засеян каждый участок земли: шла война, и по вопросам продовольствия иллюзий ни у кого не было. Финская оккупационная администрация притеснением местных жителей особо не занималась, но и в вопросах снабжения была крайне скупа. За сахаром и солью приходилось ездить чуть ли не в Петрозаводск, или в Петроской, как его называли финны.

Люди уже выгоняли скот к озеру Ворузъярви за леском, где было побольше сочной свежей зелени. Озеро было безмятежным – немного колебался камыш, водная гладь была ровной, деревья на берегу отражались в ней, словно в зеркале. Местные бабы и старушки шли, разговаривая о житейских делах, а пастухи, покуривая папиросы, принимали скот в стадо. Все обсуждали новое постановление коменданта из Пряжи – «о партизанах». Для выхода из посёлка нужно было брать в местной администрации открепительные листы: если поймают в дороге, без одного можно и на допрос попасть. Людей это, естественно, пугало. Хотя с финскими военными жили уже год без особых происшествий, жители посёлка были встревожены. Особенно настораживала перспектива попасть между партизанами и военными – как между молотом и наковальней. «Под Олонцом деревня сторела, финны партизан окружили в деревне, те давай отстреливаться, а потом как вся деревня огнём занялась, народу погибло ужась!» – повторяли из уст в уста верхнелонецкие старушки, пугая себя и окружающих односельчан. Бабы взмахивали руками и качали головами, причитая вполголоса, чтобы не подавать вида. А то ещё кто доложит поселковому главе Петри, старому финну из Оулу, что бабы смутные разговоры заводят, – пойдёт по домам «профилактические беседы» вести и большевиков с сочувствующими партизанам выискивать. А он мужик жёсткий, постоянно с оружием ходит. При нём Сеппо и Колька, местные полицаи. Сеппо – тот ещё спокойный, а Колька, местный дурачок, чуть что – сразу за автомат, всё детвору ходит пугает. До войны дураком деревенским был, «рыжим бездарем» девки дразнили, а как пришли финны – так к ним подался. Теперь он власть – комендант из Пряжи лично медальку финскую дал. И все терпят Колькины выходки. Боятся Петри – он ещё при царе в полиции служил, русский хорошо знает. Всех местных коммунистов давно коменданту сдал, и больше их никто не видел – поговаривают, что в Петрозаводск отвезли, а оттуда уже никто не вернулся.

Над зданием сельсовета развевался финский флаг, висело объявление на финском языке с русским переводом внизу. Где-то за лесом, из которого маленькая извилистая дорога вела к шоссе на Петрозаводск, раздавался тихий рокот автомобильных двигателей, который было хорошо слышен в тишине раннего утра. Это сразу привлекло внимание немногочисленных сельчан. Машины в такую рань – дело, естественно, нехорошее. На дворе война. Конечно, по Петрозаводскому шоссе грузовики обычно двигались в Олонец, но тогда звук был дальше и более гулкий. Теперь же все услышали, что машины едут в посёлок. У местных зародилась тревога, и люди тут же поспешили по домам.

Спустя минуту на окраине посёлка показались два военных грузовых автомобиля. Они медленно катились к посёлку, притормозив при въезде. К машинам подбежали двое, словно ожидавшие приезда «гостей» в просеке у крайних домов, – это были Сеппо и Колька.

Из кабины одного из грузовиков вылез офицер и что-то сказал обоим – те прыгнули в кузов к солдатам. Машины тронулись, неспешно проехали по главной улице и свернули на краю села, подъехав к одному из домов. Петри уже стоял у ворот, появившись словно из ниоткуда.

Неприглядная изба с сараем и просторным двором, с яблонями в саду за хозяйственными постройками. Грузовики остановились прямо у калитки, и солдаты стали выпрыгивать по одному. Всего их было человек пятнадцать. Они быстро окружили избу. Высокий худощавый молодой человек лет двадцати пяти активно командовал, крича что-то по-фински. Его звали Отсо Маттенен. Боевой офицер, воевавший с русскими ещё на Карельском перешейке, брал Выборг – там и получил серьезное ранение руки. А после госпиталя оказался не на фронте, о котором мечтал, как и о «великой Финляндии до Белого моря», а здесь, в тылу, для борьбы с партизанами. Негодовал, писал рапорты для отправки на фронт, но его осаживали: служба есть служба, где бы она ни происходила.

– Капитан, всё готово! – рапортовал сержант, кареглазый кудрявый парнишка лет двадцати.

– Хорошо. Внимательно смотрите за окнами и по сторонам! Если где увидите оружие – стреляйте на поражение, – командовал Отсо, осматривая окрестности и вдыхая свежий утренний воздух, такой чистый и влажный.

– Есть! – Сержант побежал к солдатам.

Капитан подошёл к воротам и, достав из кобуры пистолет, приложил его к калитке – так, чтобы его не было видно, а сам посмотрел через забор. Солнце только-только осветило избу – до этого на дом бросал тень соседний сарай. Капитан позвал Петри и что-то сказал ему. Отсо кивнул головой.

– Все, кто в доме, выходите по одному! – закричал на русском Петри. – Только без глупостей, иначе будем открывать огонь на поражение!

Все притихли. Солдаты замерли на своих позициях, оглядываясь по сторонам и на часовых, стоявших по краям дальше на улице и наблюдавшим за соседними домами с кромки леса. Отсо махнул, чтобы Петри повторил, а сам стал активно разглядывать окна и прислушиваться к тому, что происходит в избе.

– Повторяю: все, кто в доме, выходите по одному! Иначе будем открывать огонь на поражение!

В ответ тишина.

Спустя пару минут напряжённого ожидания дверь избы открылась и на пороге показался мужчина в рубахе, штанах и кирзовых сапогах. Одежда была домашняя, истрёпанная, серая – такую обычно носят мужики для работы по дому. Мужик был с большой рыжеватой бородой и растрёпанными волосами. По-видимому, он только что проснулся. Сурово посмотрел по сторонам и вышел в лучи утреннего солнца.

– Чем могу быть полезен, офицер? – заметив солдат, проговорил хозяин дома по-русски.

– В доме ещё кто-нибудь есть, Антон? – спросил Петри, слушая, что ему говорит Отсо.

– Ты же знаешь: моя дочь и жена.

– Пусть выходят!

– Настя! Настя, выходи! Не бойся, тут солдаты! – крикнул Антон в сторону дома.

Из избы через несколько секунд выскочила рыжая невысокая девочка лет пятнадцати – хрупкая, но с каким-то хмурым, недетским лицом. Она была одета в рубаху и сарафан, расшитый орнаментом из красных нитей. Это привлекло внимание Отсо, поскольку он любил изучать народное творчество и фольклор Карелии, штудировав труды местных краеведов. Такую роспись он видел в глухих карельских деревнях севернее Олонца. Но здесь деревня русская – на русских рубахах роспись отличается.

Девочка подбежала к отцу и словно по привычке обняла его за правую руку, оглядываясь на уставившихся на неё из-за забора финских солдат с оружием в руках. Те всё ещё были начеку.

– Где жена? – выкрикнул Петри.

– Ты же знаешь: Оили не может ходить, она лежащая! – прохрипел мужик.

Парень всё перевёл Отсо. Тот нахмурился и что-то сказал переговорщику. Петри кивнул.

– Как зовут твою жену? – на ломаном русском спросил Отсо.

– Оили.

– Твоя жена финка? – снова спросил капитан.

– Вепска.

Переговорщик снова поговорил с офицером.

– Подними руки! – насторожённо скомандовал Петри.

Мужчина поднял. Отсо открыл калитку и вместе с переговорщиком вошёл во двор. Антон стоял под дулом десятка карабинов. Капитан осмотрел мужчину. Это был человек достаточно крупного телосложения, рослый, грубоватого вида, с большими крепкими ладонями, созданными больше для тяжёлой грубой работы, нежели для игры на фортепиано. За капитаном во двор вошли двое солдат. Он скомандовал им пройти в дом. Двое зашли в избу. Антон нервно дёрнулся, так как ему это не понравилось, но переговорщик резко поднял руку.

– Антон Фёдорович, прошу без глупостей: капитан очень нервничает!

Отсо терпеливо дождался, пока оба солдата выйдут из избы и покажут жестом, что в доме только один человек и больше никого нет. Капитан посмотрел в сторону Петри, который стоял рядом с русским.

– Антон Фёдорович, вам придётся проехать с нами, – добавил комендант посёлка.

– Зачем? – грубо спросил мужчина.

– К сожалению, я не вправе это говорить, так что поедем. Вещей брать не нужно – мы выдадим всё необходимое.

– Но у меня дочь и жена парализованная – со дня на день преставиться может! Я не могу их бросить. Спрашивайте, что хотите, здесь, – я всё отвечу!

– Прошу вас: говорить тут не о чем. Поедем с нами, иначе капитан скомандует взять вас силой, а это ни вам, ни нам не нужно, тем более у вас жена и дочь. Не волнуйтесь, я думаю, всё будет быстро и уже к вечеру или завтра вы вернётесь. Так что не усложняйте.

Антон посмотрел на дочь. Та немного с опаской взглянула на отца. Они обнялись.

– Не волнуйся, я скоро вернусь! Передай маме, чтобы тоже не волновалась. Я люблю вас! – присев и посмотрев девочке в глаза, полушёпотом проговорил отец.

Антон окинул взглядом окруживших двор солдат и проследовал к калитке. Отсо даже немного «выдохнул», поскольку всерьёз полагал, что подозреваемый в связях с партизанами просто так не сдастся. Хотя жена и дочь – возможно, он просто пожалел их. Но избу всё равно придётся обыскать. Он дал команду сержанту, а сам поехал в одной из машин с Антоном в комендатуру. Оставшиеся семеро солдат, как только машина скрылась за поворотом, приказали девочке пойти к матери и не мешать им проводить обыск. Петри остался с ними, разгуливая по двору и подсказывая, где искать. Старый сыскарь знал много хитростей у преступников.

– Что там, Настенька? – спросила, лёжа на кровати, Оили.

Это была женщина лет пятидесяти, разбитая параличом после долгой болезни. В избе пахло сыростью и свежим хлебом, который дочь испекла рано утром, перед тем, как приехали солдаты.

– Не бойся, мама, это солдаты – они проведут обыск и уйдут.

– А где папа?

– Папу забрали в комендатуру. Сказали, что отпускают.

– Как забрали?! Зачем?! Кто эти люди? – Мать испуганно посмотрела на вошедших солдат.

– Убирайтесь вон! Вон! – закричала она по-фински.

– Нам приказано провести обыск, оставайтесь на местах! – также по-фински ответил один из солдат.

Они перевернули весь дом, проверили даже под полом, где могли приподнять доски, и под кроватью женщины, которая продолжала ругаться с ними на их родном языке, но они уже почти не отвечали. После получаса изысканий и оставив полный разгром, солдаты удалились – так же быстро, как и пришли. Петри напоследок деловито прошёлся по избе, с презрением осмотрев мать и дочь. Буквально на пару секунд он застыл в комнате, ещё раз всё внимательно осмотрев. Затем вскинул на голову фуражку и, поскрипывая хромовыми сапогами, удалился прочь, не проронив не слова.

Настя и Оили остались сидеть на своих местах. Девочка тихо плакала – все эти ружья и грубые солдаты напугали её. Губы тряслись, лицо побледнело. Но больше всего её испугало то, что они увезли отца, без которого с парализованной матерью она просто не знала, как и быть.

– Ничего! Ничего! – повторяла мать. – Мне недолго осталось. Скоро ты останешься одна, только жаль, что папа не успеет на похороны.

– Не говори так, мама! Не говори!

– Скоро, скоро, Настя, ты станешь моей наследницей, когда я уйду. Я уйду! Береги отца, а я буду помогать вам, помогать! – приговаривала женщина, и по её щекам текли слёзы.

– Мама, не говори так, прошу! – закричала дочка.

– Ничего, ничего. Принеси из чулана мой сундучок, я тебе кое-что покажу.

– Какой сундук, мама? – переспросила девочка, вытирая слёзы.

– Мой сундук, тот самый! – Мать провела рукой по голове дочери.

Движение было робким и болезненным – Оили была парализована ниже груди. Руки и голова у неё двигались. Хотя движение руками ей тоже давалось с трудом.

– Но ты говорила его никогда не трогать?

– Настало время, Настенька, настало время, – уткнувшись стеклянным взглядом в потолок, проговорила женщина. – Тащи сундук, доченька! Тащи сундук! Чувствую! Чувствую! – повторяла Оили, тяжело дыша и не отрывая взгляда от потолка.

Настя встала с кровати и поплелась в сторону чулана, который располагался в прихожей. Там всё было раскидано и разбросано после обыска. В самом углу торчал уголок большого чёрного сундука, закиданного всяким хламом. Девочка сбросила вещи на пол, и перед её глазами предстал большой деревянный сундук – чёрный, как смола. Он был очень старый и сделан из огромных досок, скреплённых массивными металлическими скобами из кованого металла. Чёрным он был из-за толстого слоя патины, наросшей на досках по причине чрезвычайной древности изделия. Помимо рисунка досок, на нём можно было различить множество орнаментов из загадочных символов, бессмысленных и хаотичных для несведущего взора. Сундук закрывался на массивный засов, который сейчас был приоткрыт, поскольку его открывали солдаты.

Сундук был особенной маминой вещью – она называла его семейным сокровищем и строго-настрого запрещала дочери к нему даже приближаться под угрозой хорошей порки. Как-то, будучи маленькой, Настя заглянула в него, но мать об этом быстро узнала, словно почувствовав, – поймала дочь на месте «преступления» и устроила ей хорошую трёпку. Это было ещё до войны, лет шесть назад. С тех пор Настя не подходила к заветной вещице, про которую мать кратко говорила: «Ещё не время!» Теперь это время настало.

– Тащи его, доченька! Тащи его ко мне! – истошно закричала из спальни мать.

Настя взялась за одну из массивных кованых ручек и стала со всей силы тащить сундук из чулана. Вещица была не из лёгких, и девочка с трудом смогла сдвинуть её с места. Ещё усилие, затем ещё – и сундук с характерным скрежетом протащился по полу кладовки.

– Настя! Настя! Тащи сундук! – словно в бреду, повторяла мать.

Девочка, чуть ли ни крича от усилий, вспотев, изо всех сил волокла сундук по полу, перевалила его через порожек кладовки и потащила в комнату. Спустя минуту она показалась в комнате, и мать немного успокоилась. Она всё шептала и причитала, выводя что-то руками в воздухе. Девочка не понимала, что происходило с матерью, хотя происходящее пугало её. Она нечасто видела Оили такой, хотя и знала, что мама «особенная», как любил повторять папа. Несколько раз за своё детство Настя видела, как она выделявала разные странности: то говорила не своим голосом, то проводила какие-то ритуалы, то рисовала непонятные знаки на вещах. Отец же на это говорил, что мама – волшебница, и когда Настя вырастет, то спросит у неё обо всём сама. И хотя Антон говорил с улыбкой, при этом на его лице ясно читалось опасение. Но дочь не задавала лишних вопросов – она верила отцу.

Настя подтащила сундук к кровати, сев рядом и уткнувшись взглядом на мать.

– Открой его! Открой! – захрипела Оили.

Девочка послушно открыла крышку сундука, с интересом заглянув внутрь. Она так давно хотела туда посмотреть! Сундук был завален всяким хламом – множеством непримечательных вещей. Это были какие-то ткани, нитки, ложки, вилки, деревянная кружка, куски ткани и прочее. Все вещи были очень старые, затёртые, неприглядные. Единственное, что среди них выделялось, – так это маленькая тряпичная кукла, лежавшая почти на самом верху, небрежно сшитая, с торчащей соломой и какими-то рисунками на тельце. Мать не глядя сунула в сундук руку и, продолжая что-то шептать, стала в нём шарить. Поиск длился недолго – она замерла, словно что-то нашла, и повернула лицо к дочери.

– Дай мне свою руку, доченька, – произнесла она внезапно твёрдым голосом, нехарактерным для её болезненного состояния.

Настя протянула свою ручку, и мать крепко схватила её за ладонь. Настолько крепко, что девочка чуть не вскрикнула, но удержалась.

– Наклонись, доченька, я скажу тебе что-то на ушко, – так же твёрдо произнесла Оили.

Девочка послушно привстала и поднесла ухо к её губам. Мать, почти касаясь её ушка ртом, начала что-то шептать. Но это были не слова! Это были звуки. И звуки эти были похожи на какое-то шуршание или шипение. Девочка ничего не могла разобрать и понять. Шипение, доносившееся из уст матери, ни с того не с сего вселило в неё такой дикий ужас, что всё её тело вздрогнуло. От макушки до пят пробежали мурашки, и Настю затрясло.

– Мама! Mamочка! Что ты делаешь? – закричала девочка.

Но мать словно не слышала её, продолжая что-то шептать девочке на ухо. Настя затряслась так сильно, что едва могла стоять на ногах. Ей захотелось выпрямиться, но вдруг она почувствовала, что не может – рука матери крепко удерживала её над собой, не позволяя даже дёрнуться. Настя попыталась вырваться, но ей не удалось: рука матери, словно тиски, прижимала голову девочки, держа её ухо над своими губами.

– Мама! Мама! Что ты делаешь? Мне страшно! – закричала дочь.

В этот момент в комнате стали раздаваться шорохи. Вначале единичные, а затем они стали возникать во всех местах одновременно, превращаясь в сплошной рой скрипов и звуков, доносившихся в унисон, словно жужжание. На чердаке раздались гулкие звуки, будто там кто-то со всей силы топал ногами, бегал и прыгал. Оттуда же донеслось чёткое шипение кота с характерным фырканьем. Затем ещё раз и ещё – словно на чердаке орала и носились десятки дерущихся бешеных котов. От рёва и грохота, которые они издавали, можно было сойти с ума – изба ходила ходуном. Но ведь кошек у них в доме никогда не было! Шумы раздавались по всей избе – казалось, что всё вокруг переворачивается. Девочка заплакала от страха.

– Мне страшно, страшно! Отпусти! – кричала Настя, пытаясь вырваться.
А мать всё шептала и шептала ей на ухо...

Оили похоронили через день на краю местного кладбища. Не было ни священника, ни родственников, ни даже односельчан – все в посёлке опасались «ведьминого семейства» и не рисковали понапрасну. Соседские мужики за небольшую плату согласились помочь Насте с могилой и захоронением. Всё прошло без особых церемоний. Выкопали яму, сколотили крест, положили тело в приготовленный ещё отцом гроб и отвезли на повозке на кладбище. Когда везли покойницу, все жители посёлка попрятались по домам.

Гроб засыпали быстро. Мужики ловко орудовали лопатами, пока девочка стояла и плакала над осыпающейся землёй. Она не произнесла ни слова, просто молча стояла, сжимая в руках букет полевых цветов. Когда яма была засыпана и над могилкой возник холмик с крестом, Настя положила свой букет сверху и продолжила стоять.

Мужики закончили свою работу и так же молча, не оглядываясь разошлись прочь. А Настя всё стояла... Как говорили потом в посёлке, до самой-самой ночи. Затем, уже на следующий день, её заметили идущей на кладбище – она сидела там весь день и лишь вечером возвращалась назад. Так она ходила три дня, пока совсем не исчезла из виду. По посёлку поползли странные слухи: будто в «избе ведьмы» никого не осталось. Петри, узнав об этом, поручил своим полицейам сходить проверить. Те сходили – и действительно в избе никого не нашли – там никого не было. В пустом доме не оказалось ничего примечательного, только старый почерневший сундук стоял посреди комнаты, раскрытый и пустой.

8 июля 1942 года

Отсо закурил папиросу, посматривая в окно. Лейтенант Петтери читал газету и что-то насвистывал себе под нос. В кабинете царила достаточно уютная атмосфера – Маттенен любил уют. Это выдавали его интеллигентские корни и хорошее воспитание. Отец – военный, мать – учительница. Идеальная семья для хорошего воспитания. Отец был строг и всё детство Отсо пропадал где-то на службе – воспитанием сына занималась мать, которая приучила его к порядку и к чувству уюта. Везде, где бы ни появлялся Маттенен, будь то блиндаж или казарма, он всегда старался создать атмосферу дома – это отмечали как сослуживцы, так и старшие по званию. Он не любил официальную обстановку. И поэтому в его кабинете всегда стояло кресло-качалка с накинутым пледом, а на столе – чайник с чаем и сладостями.

– Что читаешь? – спросил Отсо.

– Пишут, что немцы снова крушат русских и мы скоро победим в войне. Скучная хельсинкская пресса – ничего нового! Ни-че-го. А что у тебя в окне?

– Тоже ничего, – смотря за стекло, скупой ответил Отсо.

– Да, в нашей глуши ничего не происходит. Ничего... Кстати, что у тебя там с этим русским? – аккуратно складывая газету, спросил лейтенант.

– Скорее всего, он связан. Я его отправил в Аунуслинну – пусть дальше с ним разбираются, это уже не моё дело. Все эти допросы и прочее – пусть марается полковник Анконен. Я пас. К тому же ему светит расстрел, а я военный, а не каратель!

– Но мы все солдаты, друг мой, и война – это не только линия фронта, война – это и за, и перед линией фронта.

– Тогда я предпочитаю линию фронта. – Отсо строго посмотрел на собеседника. – Я не раз просил отправить меня туда!

– Ну, не горячись! Кому-то нужно держать порядок и здесь! Ты с этим хорошо справляешься, капитан, так что расслабься. Ничего, скоро немцы подомнут русских с юга, и я надеюсь,

что мы продолжим наш поход на севере как минимум до Архангельска! Финляндия станет крупнейшей страной Европы после, разумеется, Германского Рейха.

– Или его провинцией... – резко обрезал Отсо.

– Ну, капитан, в хорошем обществе так не говорят. Вы же понимаете: наши немецкие союзники...

– Умоляю, лейтенант, мы знаем наших немецких союзников! Я дважды был в Берлине! Настроения немцев мне известны. Их гордость заботит «Великая Германия», а до «Великой Финляндии» им нет никакого дела. Мы им нужны только как союзники против русских. Что будет потом...

– Что будет потом, капитан, нам неизвестно и не нашего ума это дело, – перебил Петтери. – Оставим его для нашего мудрого политического руководства. Оно знает, что делает!

– Оставим, – качнул головой в ответ собеседник.

– Ну, тогда и не берите в голову.

Раздался стук в дверь.

– Войдите! – скомандовал Отсо.

– Капитан, там к вам пришли, – бойко проговорил солдат, совсем мальчишка – на вид лет восемнадцать.

– Кто там?

– Какая-то девушка, настойчиво просит вас увидеть. Говорит, вы забрали её отца. Мы её обыскали, расспросили, но она просит именно вас! Мы выгоняли её уже несколько раз, но она не уходит. Вот, решил доложить!

– Поклонница? – рассмеялся Петтери.

– Шуточки, лейтенант! – обрезал Отсо.

Младший по званию офицер поджал губы.

– Пойдёмте посмотрим, что там ещё случилось.

– Как скажешь. – Петтери вскочил и, надев фуражку, пошёл за капитаном.

Вместе с солдатом они спустились в небольшой холл на первом этаже комендатуры. Солдат сказал, что девушка во дворе и ожидает у ворот. Офицеры вышли во дворик, где стояли автомобили и крутились несколько солдат. Светило яркое солнце, на флагштоке развевался флаг с синим крестом на белом фоне. Через минуту они вышли к будке часового у въезда в комендатуру, где двое солдат стояли около девочки.

Отсо узнал её. Это была та самая Настя – дочь Антона, подозреваемого в связях с партизанами. Он узнал её по рыжей голове и сарафану с «карельской вышивкой». Ещё он вспомнил, что она наполовину вепска.

– Что ей нужно? – спросил он у стоявших возле девочки солдат.

– Я пришла узнать, где мой отец! – внезапно произнесла девочка на корявом финском, однако все присутствующие её поняли.

Отсо удивился. Он искривил лицо и приподнял бровь.

– Даже так? – восторженно произнёс он вслух. – Твой папа задержан до выяснения обстоятельств.

– Он ни в чём не виноват, офицер! – внезапно выкрикнула девочка. – Вы должны его отпустить!

– Боюсь, это невозможно дитя моё! Иди с миром! – Отсо повернулся и хотел было уходить. Но вдруг почувствовал, как кто-то схватил его сзади за ногу. Он посмотрел вниз – его схватила девочка, упав на колени.

– Прошу! Прошу! Офицер, отпустите! Моя мама умерла, а папа – единственный, кто у меня остался.

– Боже, дитя! Отпусти меня! – Отсо немного растерялся. – Я не в силах отпустить твоего отца! Это будет решать закон!

– Но вы же закон! Вы!

– Боже, оттащите её. Мне нужно идти!

Солдаты схватили девочку и стали оттащить в сторону.

– Всё! Отпусти! Отпусти! – кричали они.

Настя плакала навзрыд и продолжала что-то кричать. Отсо был недоволен всей этой сценой, он раскраснелся и занервничал. Затем выправился, поправил лампы и осмотрелся по сторонам.

– Всё-таки поклонница! – тихо усмехнулся Петтери.

– Что ты сказал? – грубо спросил капитан.

– Ничего. Ничего!

– Смотри – пошутишь!

В этот момент Настя как-то вырвалась из рук солдат, которые не смогли её удержать, а только разорвали ей рукав сарафана. Девочка быстро подскочила к офицерам, которые обернулись в её сторону, услышав сзади её крик.

– Будьте вы прокляты! Прокляты! – закричала Настя по-фински.

Затем послышалось несколько странных фраз, похожих то ли на кудахтанье, то ли на крик какой-то птицы. Девушка издавала их гортанью, вытаращив глаза на офицеров. Через миг она запустила руку за пазуху. Отсо подумал, что сейчас она достанет гранату или пистолет, и уже приготовился было либо выхватывать ствол, либо бежать и прятаться в укрытие. Но Настя достала тряпичную куклу, которую стала показывать, а точнее – тыкать ею в сторону офицеров, сыпля на них проклятия. Капитана это немного обескуражило – холодок пробежал у него по спине. Он даже сам не понял, почему боевой офицер испугался этого момента. Петтери истерично рассмеялся. В следующий миг Настю скрутили солдаты.

– Это что было? – усмехнулся лейтенант. – Какая-то русская крестьянка попыталась нас атаковать тряпичной куклой? Это новое оружие большевиков, что ли?

Отсо злобно глянул на него – лейтенант тут же снова притих, поняв, что терпение капитана не вечно и шутить стоит прекратить. Прокашлявшись и поправив головной убор, он развернулся в сторону здания комендатуры.

– Попридержи язык! – выкрикнул Отсо и, повернувшись, зашагал туда же.

Настя продолжала что-то кричать, пока солдаты тащили её в сторону, чтобы выкинуть на дорогу.

Дом для офицеров располагался рядом со зданием комендатуры. Это было небольшое деревянное строение в два этажа со скрипучими полами и старыми маленькими окнами, завешанными шторками, – бывшая контора местной автобазы. В комнате Отсо было так же уютно, как и в кабинете. Рабочий стол, аккуратно застланная тёплым маминым пледом кровать, кресло у окна, портреты родителей на стене, флаг Финляндии и небольшая коллекция клинков и ножей (Отсо имел страсть к холодному оружию). В углу стоял старинный шкаф с матовыми стёклами, с собранием любимых книг. Радио на небольшом столике рядом. Его любимое кресло, обшитое бархатом, в котором он любил выкурить папироску и почитать что-нибудь из классики. Но сегодня он читал Библию – было «религиозное» настроение. Хотя два часа до этого он играл в карты с Сеппо и Петтери. Библию Отсо читал только в самые тяжёлые дни и в очень смущённом состоянии внутреннего смятения – как когда-то перед отправкой на фронт и перед атакой на русские позиции под Вайпури, где он едва не лишился руки, пройди русская пуля в сантиметре правее. С тех пор при смене погоды она у него достаточно сильно болит и крутит.

Было уже за полночь. Петтери давно спал в соседней комнате, как всегда, немного перебрав со шнапсом, выигранным им в карты у немецкого унтер-офицера ещё на той неделе. Отсо увлёкся Евангелием от Марка. Как-то по жизни складывалось, что он не успевал его дочитать:

то отвлекался, то начинался бой, то мать звала к обеду. Сегодня же он был настроен решительно и всё-таки осилил всё до последнего стиха. Дочитал и бережно положил книгу на столик у кресла. Устало потёр глаза и посмотрел на часы. Первый час ночи – пора спать!

Капитан поднялся с кресла и подошёл к зеркалу, внимательно рассмотрев своё усталое отражение.

«Да, устал ты, братец!» – подумал парень, расстёгивая китель.

Шорох разнёсся по комнате. Отсо посмотрел по сторонам и вначале не понял, что происходит. Звук повторился снова – похоже на то, словно по комнате бегают и скребутся мыши. По крайней мере, так было прошлой зимой, но сейчас-то лето!

«Нужно достать мышеловки», – подумал парень и продолжил расстёгиваться.

Шорох раздался снова, затем ещё и ещё раз, пока за спиной Отсо отчётливо не скрипнула доска, словно на неё кто-то ступил. Офицер резко обернулся, бегло осмотревшись по сторонам. В комнате никого не было. И шорохи утихли.

«Может, это от ветра дом скрипит? – подумал он. – Чертовщина, нужно спать ложиться!»

Звук раздался отчётливо в стороне стола. Капитан повернул голову туда.

«Попался, чёртов грызун!» – проговорил он тихо, приготовившись раздавить несчастную мышь.

Отсо подошёл к столу, осматривая его то с одной, то с другой стороны. Но в полумраке тускло горящей лампочки ничего не было видно. Тогда он наклонился, высматривая, что под столом. Внезапно резкая боль отразилась в его запястье, которым он опирался на стол. Офицер вскочил, отдёрнув руку на которую тут же посмотрел. В запястье торчало перо из чернильницы, которое достаточно глубоко вошло между указательным и большим пальцами левой руки. Кровь, перемешанная с чернилами, тут же полилась из раны. Отсо закричал не столько от боли, сколько от неожиданности, отпрыгнув на центр комнаты и держась за руку.

Капитан не понял, как перо оказалось у него в руке. Он повторно заревел от боли. И одним махом недолго думая вытащил инструмент и бросил его на пол. Капли крови брызнули на доски, жгучая боль растеклась по руке. Офицер тут же подскочил к шкафу и кинулся к висящему в нём полотенцу, начав перевязывать руку.

– Что за чертовщина? Что за чертовщина? – забормотал он себе под нос, осматриваясь по сторонам. Шорохи снова раздалась за спиной у шкафа. – Кто ударил меня пером? Кто ударил меня?! – спрашивал он себя.

Отсо посмотрел на дверь – она была заперта изнутри. Капитан подошёл и на всякий случай проверил замок. Открыл его и заглянул в коридор. Там никого не было – одиноко горящая лампочка, скучные серые стены. Шорох раздался в комнате за его спиной. Офицер обернулся – там тоже никого не было. Вдруг дверь резко захлопнулась, будто её закрыл сильный сквозняк. Пальцы Отсо как раз находились на косяке. Удар оказался такой силы, что парень заверещал от боли, отскочив в середину комнаты, и, держась за руку, подпрыгнул на месте. Теперь и вторая рука оказалась повреждена. Капитан закричал, громко топнув ногой:

– Что, чёрт возьми, тут происходит?!

В дверях появился сонный Петтери. Он широко открыл глаза и удивлённо посмотрел на стоявшего посреди комнаты растерянного Отсо.

– Капитан, с вами всё хорошо?

– Входи, входи. – Отсо держался за руку, на пол стекала кровь.

– Что с тобой?

– Я не знаю. Наткнулся на перо и прищемил себе пальцы. Ай!

– Отсо, ты не пьян?

– Нет, чёрт побери, дай бинт и аптечку – где они там?

Петтери мигом бросился из комнаты капитана и исчез в серой пелене коридора.

Шорох послышался снова.

– Да сколько можно?! Что ты такое?! – выругался Отсо, стоя посреди комнаты и вертя головой по сторонам.

Шорохи раздавались то спереди, то сзади, словно по комнате бегало несколько мышей. В этот миг Отсо, который особо не верил в мистику или привидений, почему-то подумал, что этого просто не может быть, это просто невообразимо! Он слышит это, но не может увидеть – словно маленькая, еле уловимая тень скользила по углам и пряталась от него. И если бы не обе искалеченные руки, капитан бы сам не поверил, что это происходит на самом деле. В этот момент в дверях появился Петтери с аптечкой и немного пробудившимся лицом. Сведя брови, он посмотрел на капитана. Пройдя к его письменному столу, поставил на него аптечку, разглядывая свежие кровавые пятна. После этого заметил валявшееся недалеко от стола окровавленное перо. Отсо подошёл к нему, держась за руку.

– Что тут всё-таки произошло, капитан?

– Я не знаю – я каким-то образом напоролся на перо, а затем прищемил себе пальцы дверью! Доставай бинт скорее!

Лейтенант достал бинт. Отсо протянул руку.

– Неплохо так напоролся!

– Перевязывай давай! – Капитан посмотрел по сторонам: шорохи не умолкали.

Петтери ловко перевязал кисть, несколько раз обмотав её и в итоге затянув бинт вокруг большого пальца. Что-что, а перевязку он знал хорошо. «Если бы не был военным, был бы доктором!» – так любил шутить он сам. Левая кисть в перевязке немного отошла, но правая, с перебитыми пальцами, пульсировала – каждый удар сердца отдавался болью в конечности.

– Ты слышишь это? – спросил Отсо.

– Что?

– Эти звуки?

– Мышей?

– Ты думаешь, это мыши?

– Я думаю, да: у меня в комнате был тот же звук! – смутился Петтери. – Я отнесу аптечку?

– Да, хорошо, относ.

Лейтенант скрылся за дверью. Отсо продолжал растерянно смотреть по сторонам. Мысли в его голове метались из стороны в сторону, ища ответа или оправдания тому, что только что произошло. Такое ощущение, будто эти шорохи были не в комнате, а в его голове. Что он просто всё себе придумывает. Что всё это – просто совпадение. И на перо он напоролся он сам. Точно сам – ведь обе его руки были над столом, когда он, сидя на корточках, смотрел под стол!

Рассуждения капитана оборвал крик Петтери, раздавшийся из комнаты лейтенанта, которая находилась по соседству, буквально в двух шагах. Тот заорал несколько раз, словно от кого-то отбиваясь. Отсо бросился к двери, но не успел её открыть – та отворилась сама, и лейтенант буквально ввалился в комнату и упал на пол, держась за живот, из которого буквально потоком лилась кровь.

– Что? Что случилось?! – заорал Отсо.

– Кто-то... Кто-то ударил меня моим клинком! Он в комнате!

Капитан кинулся к висевшей на специально отведённом месте кобуре. Схватил пистолет и бросился в комнату лейтенанта. Буквально вышиб ногой дверь и заскочил внутрь. В комнате никого не было – раскрытый шкаф, кровать, стол. Отсо ударил по кровати с ноги, полагая, что кто-то может прятаться там, но под ней никого не отказалось.

– Что тут происходит?! – закричал капитан в бешенстве.

Крик Петтери раздался снова, на этот раз он словно захлебнулся. Капитан бросился назад, заскочил к себе. Лейтенант лежал на полу – в его шее торчал клинок. Отсо узнал оружие: клинок был из его коллекции, которая висела на стене. Офицер вскинул голову – на стене дей-

ствительно не было клинка. Парню было уже не помочь; тело ещё содрогалось в конвульсиях, а стеклянный взгляд «залип» в потолок. Вокруг шеи нарастала лужа крови.

Шорохи снова послышались в комнате. В этот раз волосы у капитана буквально встали дыбом, а какой-то животный страх раскатился по всему сознанию, ударив вместе с кровью в голову. Отсо нервно передёрнул затвор и стал целиться приблизительно туда, где слышал шорохи.

– Кто бы ты ни был, ты издохнешь! – заорал офицер и нажал на курок.

Раздался выстрел, затем ещё один и ещё. Капитан стрелял по всем местам, где слышал шорохи, которые словно играли с ним, продолжая нарастать. Он сделал пять выстрелов и замер. В его голове возник образ девочки Насти, тянувшей к нему сегодня маленькую тряпичную куклу. Отсо обомлел: этот образ возник так чётко, что он невольно сосредоточился на нём и увидел предельно ясно.

– Чёртово проклятье! Маленькая ведьма! – заорал капитан, и звуки раскатились по комнате с новой силой. Он стал пятиться к лестнице, находившейся в конце коридора, где светила лампочка.

Солдаты уже подбежали к офицерскому дому, услышав выстрелы. Двое часовых заскочили на первый этаж с оружием в руках. Со стороны лестницы раздалась выстрелы, затем послышался грохот. Отсо кубарем летел вниз каким-то невероятным образом. Ещё секунда, какой-то немыслимый кувырок через голову – и он распластался на полу прямо у ног солдат, зажимая в руках пистолет. Капитан так и не выпустил его. Он уже не дышал. Солдаты неподвижно встали над ним буквально на секунду, окинув взглядами помещение.

– Оттащи его, я наверх! – заорал один из них и, передёрнув затвор, побежал по лестнице, на всякий случай пригибаясь.

Второй оттащил капитана в сторону и проверил пульс, приложив пальцы к его шее. Но пульса уже не было. Голова Отсо была как-то странно вывернута – похоже, бедолага свернул себе шею, пока летел с лестницы. В помещение забежали ещё несколько солдат из казармы на территории комендатуры с карабинами в руках.

– Туда! – указал солдат наверх, и все как один ринулись по лестнице.

Ещё пара минут возни – и все солдаты спустились вниз. Сержант командовал осмотреть всё вокруг дома, но и через полчаса никого на территории поймать не удалось – посторонних никто не видел. Следы загадочных убийц двух офицеров так и не были найдены ни ночью, ни на следующий день. Тела Отсо и Петтери отнесли в лазарет, где уже на следующий день их осмотрели врач и полковник из Петрозаводска. В заключении решили всё списать на партизан и вражеских лазутчиков. Истинного виновника смерти двух финских офицеров в июле 1942 года найти так и не удалось.

Часть 2

Лето в этом году выдалось жарким. В городе Н. стояла знойная, душная погода, не характерная для Северо-Запада России. Обычно такая жара больше подходила для южных широт, но сейчас на дворе конец двадцатого века и все только и твердят, что о глобальном потеплении и конце света. Любимая тематика! Все так и живут в ожидании всё больших и больших потрясений, обступающих людей со всех сторон. Смутное время, когда всё старое и советское не до конца растворилось, а новое, «современное», ещё не устоялось. Для старшего поколения время страшное и даже трагичное, поскольку тяжелее всего принимать правильные решения во времена больших перемен. Но для тех, кто решения в полной мере не принимает, время было необычное и даже «волшебное». Детские и юношеские умы так быстро впитывают всё новое, не сортируя и порой не осознавая, зачем им всё это и почему так происходит. Оно просто происходило – весь этот пёстрый калейдоскоп заграничной моды, сотканный из фастфуда, голливудских боевиков, красивых журналов, дорогих иномарок и, конечно же, денег, без которых теперь в нашей жизни не обходилось ничего.

Саше Землякову было десять, и он скучал у окна в своей новой комнате, в своей «новой» квартире, в которую он переехал с родителями из Кемерово. На подоконнике было светло и уютно. Мальчик рассматривал свою коллекцию наклеек, бережно собранную им почти за два года. Он делал это не потому, что хотел так сильно пересчитать и пересмотреть все выученные давным-давно наизусть вкладыши от жвачек, а просто потому, что делал это всякий раз, когда становилось скучно. Как сейчас. Родители ещё не распаковали все вещи и были заняты этим трепетным процессом, а сына, естественно, к этому делу не подпускали. Свой немногочисленный «скарб» он уже выложил в своей новой полупустой комнате, а взрослые вещи – дело родителей. Сашке было скучно, и он решил прогуляться. Надоело рассматривать двор в деталях – захотелось по нему побродить. Мать, естественно, попросила не уходить далеко от подъезда и уж тем более со двора. И хотя они были не из маленького города, а город Н., по словам мамы, был немногим меньше их родного Кемерово, по новым районам одному лучше всё же не гулять. Но все эти мамины нотации были для мальчика слишком утомительными, и он постарался поскорее скрыться от них, едва надев спортивную «мастерку» и штаны к ней. Хотя на улице достаточно было футболки и шорт, мама усмотрела тучи на небе и «похолодание». Саше ничего не оставалось, как согласиться.

– Пусть идёт погуляет – на улице погода отличная, чего ему дома париться! – пробурчал отец, перетаскивая коробки с вещами.

– Город новый, я должна ему всё сказать, – отвечала мать.

– Мам, я всё знаю, – протянул Саша.

– Но всё-таки нужно... – продолжала мама. – Ты всё понял?

– Да, я всё понял, мама.

– Хорошо, иди, но не долго. К пяти приходи кушать! – Она показала на часы, на которых было что-то около двенадцати.

– Хорошо! – донеслось со стороны Сашки, и он буквально помчался по лестнице прочь из душной «хрущёвки».

На улице его ждали солнце и свежий ветер. Двор был стандартным для большинства дворов постсоветского пространства. Вокруг – пятиэтажки, посреди двора – детская площадка со старыми поржавевшими горками и металлическими столами, за которыми обычно сидели «старшие» и играли в карты или домино, а по вечерам устраивались «банкеты» с игрой на гитаре. Немногочисленные машины, среди которых ещё более немногочисленные иномарки некоторых «баловней судьбы» в обнищавшей стране. Деревья и кустарники были уже достаточно большими, из-за чего всё пространство напоминало лес. Саше вспомнился их двор

с такими же «зарослями», в которых так весело было играть в прятки... а ещё там очень часто находили спящих «старших», которые по каким-то причинам после шумных застолий не смогли добраться до дома.

Стоял день, и во дворе почти никого не было, за исключением редких прохожих из ближайшего магазина. Ветер игриво шевелил кроны деревьев. Всё совсем так же, как у них в Кемерово, – даже жарко, как и у них летом. Будто и не уезжали. Мальчик подумал о своём прежнем доме, о друзьях и оставленных бабушке и дедушке, и ему стало немного грустно. Он прошёлся вокруг двора, посматривая по сторонам. У одного из домов был небольшой ухоженный палисадник – наверное, какая-нибудь пенсионерка ухаживала за ним долгими днями. Такие бабушки есть в каждом дворе – у них в Кемерово тоже была. Звали её баба Шура, и она часто угощала окрестную детвору своей выпечкой. Цветов в палисаднике было много, и в них роились шмели. Всё было аккуратно обкопано и свободно от сорняков. Своеобразным украшением служили старые пластмассовые игрушки. Истрёпанные ветрами и дождями, немного выцветшие на солнце, они смотрелись ужасно, а их «милые улыбочки» скорее наводили тоску или даже лёгкий страх на фоне ржавых оград и валявшегося вокруг мусора.

Саша пошёл дальше, мимо площадки по мини-футболу. А дальше двор заканчивался – и пришлось возвращаться обратно. Скучно! Побродив без дела с час, он сел на скамейку под берёзами и, взяв палку, начал что-то выводить на песке под скамейкой. Рисовать, потом стирать ногой и снова выводить. Где-то вдаль загудел самолёт, залаяла собака.

– Привет! – раздался чей-то голос над ухом.

Саша вскинул голову. Перед ним стоял мальчишка – высокий, рыжеволосый, худощавый, с длинным веснушчатый носом и бегающими голубыми глазками, в шортах и футболке голубого цвета с мордой быка из «Чикаго Булс». На лице у него красовалась улыбка из кривоватых, но белоснежных зубов. Он держал в руках пакет с чем-то тяжёлым – с чем именно, Саша не разглядел. Мальчишка нетерпеливо переминался с ноги на ногу, словно чего-то ждал или куда-то спешил. А если спешил, так зачем поздоровался? На вид «рыжий», как его окрестил про себя Саша, был не намного старше его, просто более вытянутый.

– Привет, – ответил Саша.

– Это вы сегодня въехали в квартиру в этом доме? – Мальчик показал на новый Сашин дом, продолжая переминаясь.

– Да, мы.

– Ммм, будешь жить в квартире Макса.

– А кто такой Макс?

– Мой бывший хороший друг.

– Понятно, – вздохнул Саша и посмотрел на свои каракули на песке.

– Меня Костя зовут, а тебя? – протянул руку мальчик.

– Саша, – протянул тот в ответ, и они пожали друг другу руки.

– Откуда приехал?

– Из Кемерова.

– Это далеко от нас? – спросил рыжий, щурясь от солнца.

– Очень. Мы пять дней почти на поезде ехали, с пересадками.

– Ого!.. А я в том доме живу, – Костя показал на дом рядом.

– Будем соседями.

Они немного помолчали, обдумывая, как продолжить разговор.

– А ты играешь в настольный теннис?

– Нет, – коротко ответил Саша.

– Хочешь, научу?

– Давай.

– Пойдём!

– Куда?

– В соседнем дворе столы – большие, железные, классные!

Саша потупил взгляд:

– Мне нельзя со двора уходить.

– Как нельзя? Это тут, рядом! – удивлённо воскликнул Костя. – Там вон, за моим домом. Твои родители, если что, тебя найдут. Это рядом – идём!

– Мне к пяти надо вернуться.

– Так вернёмся. Пойдём! – продолжал Костя

– Ну пойдём.

Ребята пошли за дом. В соседнем дворе, расположенном за Костиной пятиэтажкой, действительно стояли теннисные столы. Мальчики подошли. Рыжий поставил пакет на скамейку, аккуратно достал сетку и стал неспешно её устанавливать. Затем извлёк ракетки и пакетик с мячами.

– Держи, – сказал он Сашке, протянув ракетку.

– И как играть.

– Сейчас всё объясню. Отбивай.

Вначале всё получалось весьма неуклюже. Сашу отвлекали осы, к тому же стол был слишком высок, и он, выглядывая из-за него, с трудом отбивал все подачи своего более рослого оппонента. Мячи летели в его направлении, как из рога изобилия. Но мальчик старался. Поначалу всё было совсем печально, затем он приноровился отбивать тыльной стороной ракетки – и игра пошла интереснее. Костя, естественно, глумился над своим более слабым противником и новым знакомым, хотя делал это не сильно, стараясь не задевать чувства соперника, чтобы тот от обиды не перестал играть. Сашка тем временем даже вспотел. Костя его «подкалывал», но опять же корректно, – тот отвечал «взаимностью», проигрывая очередной матч.

Они так увлеклись, что не заметили, как к ним подошли. Саша даже вздрогнул: прямо у стола возникла женская фигура. Женщина была в летнем платье с сумкой, с пышной рыжеватой шевелюрой и длинным, как у Кости, носом. Без сомнения, это была его мать. С ней, держа её за руку, стоял малыш лет шести, одетый в шорты и футболку. В руках у него был небольшой пакет, на голове – смешная панамка в цветочек. Мальчуган был в очках, жмурился на солнце, то ли улыбаясь, то ли скалясь, постоянно корчил рожи, переминаясь с ноги на ногу, словно хотел в туалет. И постоянно ёрзал коленями и ногами по земле, что-то бормотал и приговаривал, оглядываясь по сторонам и на мать. Он делал это так постоянно и «циклично», что Саша даже понял некую закономерность буквально за несколько секунд, пока смотрел на него.

– Костя, Костя! – заладила женщина.

Оппонент Сашки по игре, завидев мать, тут же подошёл к ней, немного перепугавшись.

– Что, мам, что?

– Так! – деловито начала женщина. – Посмотри за братом, а я схожу в ЖЭК. Смотри, чтобы он, как в прошлый, раз не залез в люк!

– Хорошо, мам! – отрапортовал Костя, взяв малыша за руку.

– Так, – продолжала она, – усади его, играйте, но из поля зрения никуда! Да... А ты кто такой? – заметив Сашу, спросила рыжая женщина, не отыскав его образ у себя в памяти.

Дело в том, что Костина мама очень строго следила за кругом общения сына, не допуская никого и «ничего» лишнего.

– Это Саша, они переехали в квартиру Максима.

– Силутиных, что ли?

– Да, – ответил Костя, усаживая младшего брата на скамейку у теннисного стола.

– А-а-а, понятно, тёзка, значит. Тётя Саша, Костина мама.

– Очень приятно. – Саша кивнул головой.

– Ладно, играйте, я пошла. И следи за братом! Всё! – женщина быстро стала удаляться и уже через минуту скрылась за соседним домом.

Костя, поглядывая на брата, подошёл снова к столу.

– Дима, сиди спокойно! – выкрикнул он младшему и приготовился подавать.

Игра снова началась. Но теперь внимание Саши отвлекали не осы, а маленький Дима, который сидел рядом, слева. Он сразу показался ему странным. Дело в том, что полноватый бледный малыш с рыжей, как и у Кости, шевелюрой время от времени ёрзал по скамейке, словно в нервном припадке переминая ногами и постоянно теребя в руках маленький пакет. При этом его лицо перебирало все возможные гримасы – от оскала страха до удивления. Он строил рожицы постоянно, даже смотря по сторонам. Саша никогда такого не видел и постоянно косился на малыша. Костя это заметил, когда в пятый раз соперник не отбил удар. Он молча подошёл к Саше, тряс ракетку в руке.

– Мой брат... он... как говорит мама, отсталый. И он странный.

– Как это – отсталый?

– Он дурачок, короче. Вот так, – немного застенчиво проговорил Костя. – Мама говорит, что он не такой, как все. Но я-то всё понимаю.

– Понятно, – грустно произнёс Саша, поджав губы

А Дима тем временем теребил пакет и что-то шептал, строя рожицы и жмурясь от солнца. Ребята продолжили играть и заигрались до самого вечера, пока тётя Саша не вернулась из ЖЭКа. Сашке, конечно, досталось этим же вечером за то, что он ушёл со двора и его искали. Но ребята отлично поиграли и, обменявшись номерами телефонов, договорились созвониться.

Уже через пару дней Саша пришёл к нему в гости – «на приставку». Костя Иванов жил с братом и родителями в трёхкомнатной квартире, достаточно просторной для «хрущёвки». Отец Кости, дядя Серёжа, был отставным военным, на порядок старше матери. Это был весёлый полный мужчина, который любил посмотреть телевизор и посмеяться над каким-нибудь юмористическим шоу, которые буквально пестрили на всех каналах телевизора. Мать готовила пирожки – повсюду пахло тестом и фаршем. Ребята играли в приставку, а Костин брат, Димка, сидел рядом на диване, как обычно, корча рожицы и теребя в руках пакет.

Саша изредка наблюдал за ним, стараясь не отрываться от происходящего на экране телевизора и следить за процессами в игре. В соседней комнате раздавался смех дяди Серёжи с характерной хрипотцой (он много курил). На кухне хлопотала мать. Димка на диване издавал странные звуки, неустанно теребя пакет.

– Давай, давай... – повторял Костя, увлечённый игрой.

– Слушай, – отвлек его Саша. – А что у него там, в пакете?

– Где, у кого? У Димки-то?

– Да.

Костя улыбнулся.

– Сам спроси у него. Только не смейся, а то он обидится.

– Хорошо.

Саша обернулся. Дима что-то рассматривал на стене, играя мимикой.

– Дима, – мальчик словно его не слышал. – Дима-а-а! – протянул Саша.

Димка застыл и медленно повернулся в его сторону. Он сделал это с таким напряжением и вниманием, что Сашке стало не по себе, и он проиграл в игре.

– Блин! – выругался Костя. – Саня, ну соберись!

– Дима, а что у тебя в пакете?

Дима посмотрел на него, не отрывая глаз, которые казались огромными в линзах очков. Его губа немного отвисала, и по ней струились слюны, губы постоянно блестели, язык бегал по рту вдоль кривых зубов. Мальчик не переставал теребить пакет.

– Кло-кло! – выкрикнул Дима. – Кло-кло!

Эта фраза была похожа на нечто среднее между кудахтаньем и хрипом. Всё тело ребёнка при этом вздрагивало, а слюни ещё обильнее летели прямо на диван.

– Кло-кло? Что за «кло-кло»?! – свёл брови Саша.

– Кло-кло! Кло-кло! – повторил несколько раз мальчик и отвернулся к стенке, рассмеявшись и продолжив уже что-то лепетать и корчиться, теребя пакет.

– Что за «кло-кло»? – спросил Саша у Кости, который продолжал играть.

– Игрушка. Бабушка подарила ему её, когда он был совсем маленький. Он с ней никак не расстается. Всё «клокает»! Он редко достаёт игрушку из пакета и постоянно прячет. К пакету никого не подпускает, но я и не лезу. Родители тоже. Давай играть!

– Игрушка.

– Да, игрушка, давай заново! – Костя перезапустил игру.

Летние дни летели быстро. Саша стал частым гостем у Ивановых. Приставка, настольный теннис, походы по магазинам, поездки на речку на старой «Волге» дяди Серёжи (который, кстати, сдружился с Сашкиным отцом) ... Они оба оказались заядлыми рыбаками и сразу же нашли общий круг интересов. Сашина мама, Ольга, и тётя Саша поладили не так успешно – сказывался подозрительный характер последней. Его мог выносить только отставной военный с «параллельным» отношением ко многим вещам. Как говорил сам дядя Серёжа: «Саша, нормальный мужик с тобой бы давно повесился – хорошо, что армия сделала из меня не такого!». Ольга, сама по себе женщина мягкая, была сторонницей гибкого подхода в отношении с людьми, но к тёте Саше найти подход так и не смогла. Поэтому женщины просто смирились с тем, что их мужья подружились, и просто стали делать вид, что так же бурно общаются, хотя на самом деле вели в основном нейтральные беседы, когда выезжали на совместные пашлыки и походы в лес за грибами.

Особенно заполнилась всем поездка на рыбалку в Карелию. Для ребят это было целое событие: папы взяли их с собой! Димку оставили дома, так как ни он, ни тётя Саша не переносили долгих поездок на машине, а ехать нужно было часов двенадцать. Ольга же отправила мужа одного, поскольку тоже была не в восторге от диких условий. Не хотела отпускать и Сашку, но они с отцом уговорили её, к тому же дядя Серёжа брал с собой Костю. Дорога действительно была не из лёгких, тем более на старой «Волге». Но это того стоило.

Последняя неделя августа перед школой, как и всё лето, выдалась солнечной. Красота северных прозрачных рек, большой улов, копчёная рыба, грибы и ягоды. Всего этого ребята наелись сполна! А «фирменная» уха от дяди Серёжи, с лаврушкой, могла сразить наповал любого гурмана!

Ребятам выдали удочки, пока отцы промышляли «нормальным» уловом – на сеть. Костя оказался более опытным в деле рыбалки, Сашка же просто любил наблюдать. Вечером – костёр и армейские байки дяди Серёжи, чистое звёздное небо Карелии...

Компанию им через пару дней составили студенты из Питера. Весёлые ребята, хорошо пели под гитару, но очень уж оказались шумными. Степан – Сашин папа – сказал, что всё это от неумения пить. Рыбакам пришлось сменить место выше по реке, забравшись подальше в лес. Там было больше комаров и больше рыбы. Когда же поутру в лагере нашли медвежьи следы, было решено возвращаться домой с полным багажником улова, а ребята – с полными головами впечатлений. Вскоре к числу последних прибавилась неожиданная поломка старой «Волги» где-то за Петрозаводском. Мужики полдня пытались поймать того, кто возьмёт их на буксир, но без денег это оказалось не так уж и легко. Наконец, один местный согласился за пару пакетов копчёной рыбы дотащить их до ближайшей СТО. А там пол-улова пришлось отдать за ремонт. Но всё равно спасибо местным умельцам, что вообще согласились! Домой вернулись с опозданием.

Оставалось несколько дней до школы. Костя пригласил Сашку, как обычно, «на приставку», так как скоро начнётся учёба и строгая тётя Саша спрячет «Денди» подальше на шкаф до следующих, осенних, каникул. У них в семье был такой закон: учёба на первом месте, а игры только на каникулах. Но сегодня на пути к беззаботному времяпровождению у ребят встало ещё одно «препятствие»: приехала мама тёти Саши. Бабушка всегда приезжала к первому сентября, чтобы навестить внуков. Димке уже исполнилось семь, и его определяли в спецшколу, Костя переходил в пятый класс. Это очень сильно «обрадовало» последнего, поскольку бабушка, когда приезжала, всегда требовала к себе внимания.

Дело в том, что она была очень старой. Костя сказал, что ей, наверное, «около ста лет». Естественно, это была шутка. Но тётя Саша была очень поздним ребёнком. Странность старушки была видна невооружённым глазом. Одевалась она, мягко сказать, старомодно: носила расшитый деревенский сарафан, платок, была вся обвешана бусами и непонятными подвесками. Это немного обескураживало всех, кто видел пожилую женщину, особенно в большом городе. Однако – её сама это мало волновало – старушка была очень консервативной, постоянно твердила о каких-то принципах и не только. Дядя Серёжа не при жене называл её «старой ведьмой». И, если честно, был недалёк от истины.

Баба Настя была из вепсов – есть такой древний финно-угорский народ. И хотя отец у неё был православный русский крестьянин, мать-вепска успела передать дочке то, что передала ей по наследству её мать. Баба Настя во всём, в каждом своем движении или поступке прослеживала те или иные ритуалы. Заходила в дом – кланялась и что-то бормотала, заходила в комнату – и снова что-то бормотала, а также причитала и делала жесты руками перед едой. Всех это, естественно, немного смущало, особенно поначалу, но в дальнейшем все, включая детей, привыкли. Пару раз принципиальная тётя Саша пыталась ругаться с матерью, но старушка была не менее принципиальна, чем её дочь. На все уговоры последней «оставить предрассудки в прошлом» старушка отвечала отказом, приговаривая: «так предки жили, так и я живу». Какое-то время тётя Саша ещё бушевала, а потом смирилась, оставив мать в покое со своими светскими замашками школьного учителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.